

В меньшей степени, чем древнейшая мифология и фольклор, стимулировали фантастику религиозно-мифологические образы [Библии](#). Крупнейшие произведения [христианской фантастики](#) — «[Потерянный рай](#)» и «[Возвращенный рай](#)» [Дж. Мильтона](#) — основаны на [апокрифах](#). Это, однако, не умаляет того факта, что произведения европейской фантастики средневековья и Возрождения, как правило, имеют вторичную, этическую христианскую окраску или представляют игру фантастических образов в духе христианской апокрифической [демонологии](#). Вне фантастики стоят [жития святых](#), где чудеса принципиально выделены как экстраординарные происшествия. Тем не менее христианско-мифологическое сознание способствует расцвету особого жанра — фантастики видений. Начиная с [апокалипсиса Иоанна Богослова](#) «видения» или «откровения» становятся полноправным литературным жанром: разные аспекты его представляют «Видение о Петре Пахаре» ([1362](#)) [У. Ленгланда](#) и «[Божественная комедия](#)» [Данте](#). Идея «откровения», в отличие от жития, — противопоставление земной действительности иного, сверхъестественного плана существования.

Поэтика религиозного «откровения» определяет [визионерскую](#) фантастику [У. Блейка](#): его грандиозные «пророческие» образы — последняя вершина жанра.